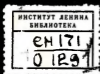
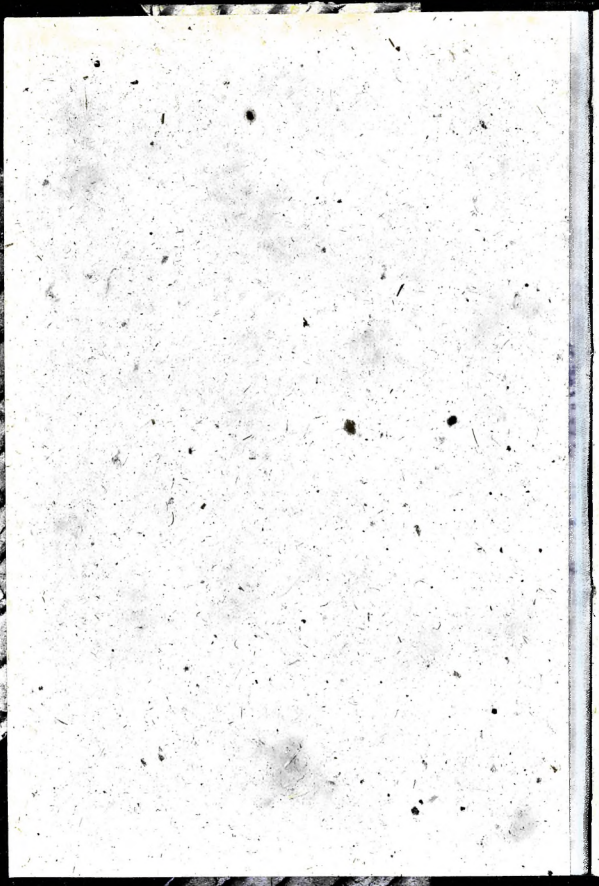
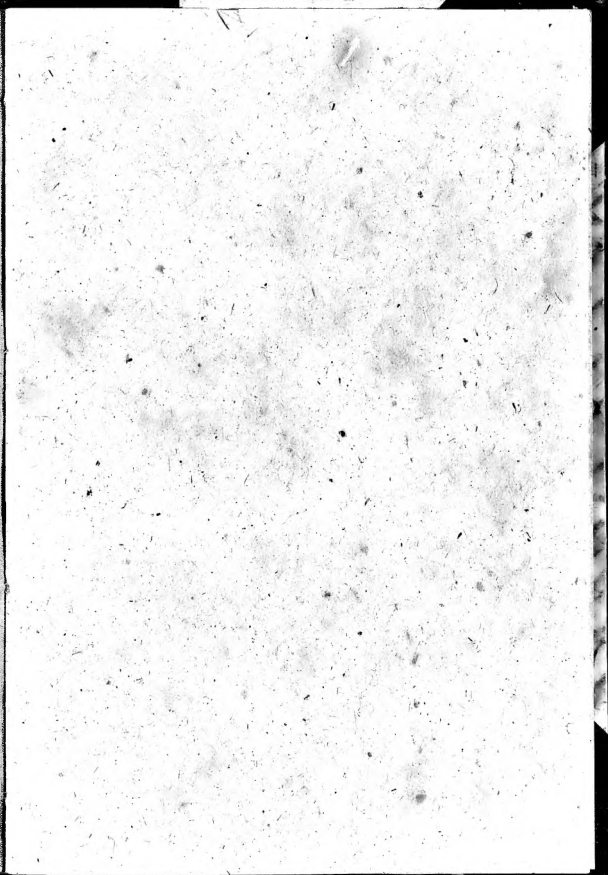
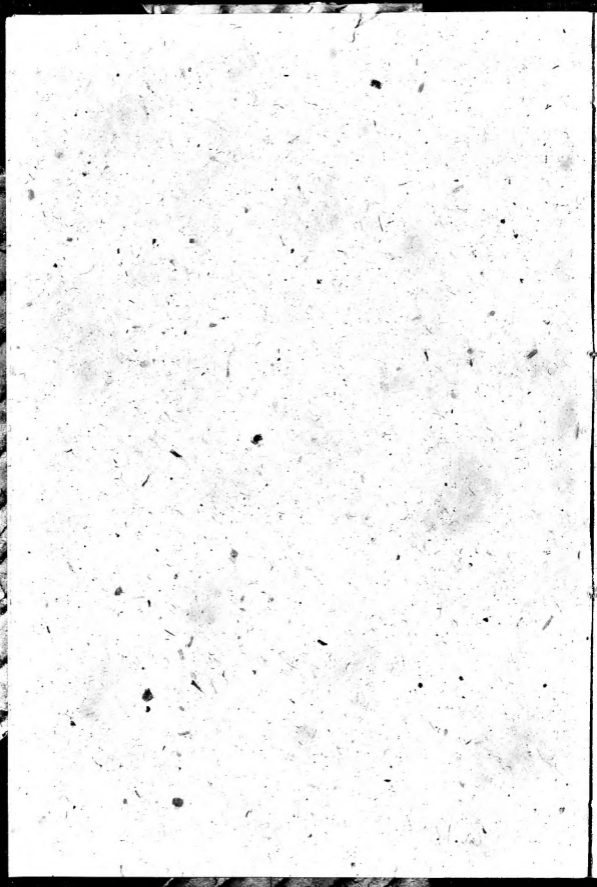

Трест «Уралмаш»
01 33а/маш'тан 2
ПРОФ. НАУКА

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ЕН171
0129

Л. ТРОЦКИЙ.

X

О ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ.

ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ НА СОБРАНИИ
30 декабря 1920 года.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1921.

К.

ЕН111
0129

Библиотечка
Института Ленин
по и.и. В.И.П. (6.)

~~32~~ ~~12131~~

3076 с. 1.
76

1062888

Доклад тов. Троцкого.

Товарищи, т. Зиновьев придал своему докладу очень страстную форму, на что, разумеется, никто из нас не пожалуется. Вопрос в высшей степени важный, вопрос, на котором временно разошлись товарищи, работающие рука об руку, и которым, несомненно, предстоит еще работать рука об руку на попрание коммунистической революции. Но временное расхождение очень серьезно и может быть разрешено только коллективной мыслью партии, которая подведет итоги нашей дискуссии на ближайшем партийном съезде. Вот почему та страстность, которая некоторым могла показаться как будто излишней, по существу отвечает серьезности дела.

Т. Зиновьев безусловно прав, когда говорит, что Профессиональные союзы в Западной Европе и в Америке являются той ареной, на которой решается тяжба между II и III Интернационалом или, другими словами, между капитализмом и коммунизмом. Это безусловно правильно. Там Профессиональные союзы являются исторически создавшейся формой рабочего движения, классовой борьбы, в основе своей тредь-юнионской. В этом смысле я говорю, что основа каждого Профессионального союза является тредь-юнионской — не в смысле его оппортунизма, а в том смысле, что он исходит из элементарных и прежде всего экономических интересов рабочих на почве капитализма, и на этой почве масса сталкивается с капиталом и в буржуазном государстве: Затем восходя, — это есть азбучная истина для нас, — восходя, Профессиональные союзы, вовлекая и организуя рабочих на тредь-юнионской почве, вовлекают их далее в революционную классовую борьбу, ведут вместе с партией на баррикады, на завоевание государственной власти. Но на Западе мы имеем союзы, которые развивались исторически и держатся еще сегодня на основах классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Эта задача в главном своем существе у нас, однако, закончена, поскольку дело идет о внутренних группировках в нашем обществе.

И вот здесь вопрос о роли и значении Профессиональных союзов должен быть рас-

смотрен в перспективе развивающейся и упрочивающейся коммунистической революции и, очевидно, что определение Профессионального союза, определение его задач, его роли, которая вполне применима и правильна по отношению к Профессиональным союзам, — даже революционным, отнюдь не тредь-юнионистским, — в буржуазном обществе, это определение не может охватывать и определять задач Профессионального союза в рабочем государстве, в обществе, которое переходит от отношений буржуазных к отношениям коммунистическим.

И вот здесь-то т. Зиновьев упрекал и обвинял в том, что я даю неполное или неправильное определение роли и задач Профессиональных союзов в рабочем государстве. Но что сказал сам Зиновьев? Я записал все его определения. Он сказал: «Профессиональные союзы охватывают миллионы рабочих; они нужны для черновой массовой обработки, для пролетарского, а затем и для коммунистического воспитания; они вовлекают в русло массового движения; они закаляют, они являются школой коммунизма... Вот те серьезные, научные определения, которые дал т. Зиновьев Профессиональным союзам, обвиняя меня в то же время в словесности.

Товарищи, я должен сказать, что если обвинять кого в словесности, то скорей это обвинение можно отнести к автору изречения: «Профессиональные союзы вовлекают в русло массового движения...» Что это за массовое движение, — нам не было сказано. Что это за «движение», в русло которого вовлекают? Ни слова! Правда, в качестве примера было рассказано, как приходит в Совет Профсоюза по поводу смерти ребенка, с просьбой, с жалобой и т. д. Тут мне подали записку о том, что к т. Бадаеву являются ежедневно не 500, а гораздо больше народу за пайком. В голодном государстве вопрос о пайке очень важный вопрос, но то обстоятельство, что к т. Бадаеву ежедневно приходит бесконечное количество лиц — и, конечно, — мы уверены, что и т. Бадаев принимает их по-товарищески, указывает куда надо обратиться и т. д. и т. п., — но это обстоятельство не разъясняет нам

вопроса о роли профессионального движения в рабочем государстве. Как же это случилось, что т. Зиновьев, объявив меня в неясности или неправомерности определения роли Профессиональных союзов, сам даже не попытался подойти к этому вопросу. «Профессиональные союзы нужны для черновой массовой обработки», — что это значит? Как эта работа происходит? Путем агитации, пропаганды? Если так, то Профессиональные союзы просто обращаются в большие клубы. Что такое, например, Профессиональный союз металлистов? По Зиновьеву, это большой клуб, который объединяет рабочих по производству металла, но объединяет их для элементарной агитации, для черновой обработки. На какой основе происходит эта обработка — не было сказано. Почему этот большой клуб организован по производственному признаку — это не было объяснено. Что же это такое?

«Проф. союзы являются школой коммунизма» — бесспорно. И советы являются школой коммунизма. Плохи те советы, которые в рабочем государстве не являются школой коммунизма. А рабочие собрания, а съезды, а беспартийные конференции рабочих и крестьян разве не являются школой коммунизма? Плохи, из рук вот плохи те объединения, те организации, те советы, которые, выполняя свою работу, не являются в то же время школой коммунизма. Может быть Проф. союзы являются какой-либо особой школой коммунизма? Но в чем же их качественное отличие от массовых собраний, от совокупности клубов, от беспартийных конференций и проч.? В чем их основное отличие, почему они построены как союзы, как производственные организации? Определение школы коммунизма есть очень ценное, теоретически и практически правильное определение, но нужно, т.е., бояться как огня того, чтобы превратить это определение в бессодержательность, в общую фразу, в стертую монету, которую пускают в ход, забывая, что за ней скрывается. Ибо сказать агитатору, организатору: ты участвуешь в Проф. союзе, помни, что Проф. союз есть школа коммунизма. Агитатор, организатор скажет: а митинг, не есть ли он школа коммунизма? В чем моя работа в Проф. союзе будет отличаться от работы на любом рабочем митинге? Здесь мы никакого ответа на это не слышали.

Как мы ни подойдем к позиции тов. Зиновьева, мы упираемся в один и тот же момент: он не дает нам определения задач производственного союза в рабочем государстве, не указывает, что должны делать производственные союзы. Он говорит, как об-

ращаться с Проф. союзами, что не нужно делать никаких безрассудств, глупостей, неправомерностей. Это отчасти верно, отчасти ларикатурно, отчасти поверхностно, но это совершенно особый вопрос, вопрос о том, как партия, рабочее государство, как отдельные работники должны относиться к Профес. союзу, и поскольку они остаются вне его. А мы стоим перед вопросом: что должны делать те работники, которые действуют в профессиональном союзе и которые должны им руководить? В докладе тов. Зиновьева об этом не было ни единого слова. В докладе о Проф. союзе, его роли и значении, о том, что должен делать коммунист, входящий в Профес. союз, какую работу он должен выполнять, какое содержание давать своей агитации и пропаганде, об этом во всем полуторачасовом докладе тов. Зиновьева не нашлось места. На ряду с подробно рассказанными отдельными эпизодами борьбы в Цектрапе, в Ц. К. партии, у него, видите, не нашлось ни одной минуты времени для этого. Запомним: тов. Зиновьев ничего не сказал о том, что должны делать Проф. союзы (аплодисменты).

Мне говорят: «А постановления 9-го съезда?» Если бы, т.е., эти постановления раз навсегда исчерпали вопрос, и предприняли бы в том числе опыт работы истекшего года, то я думаю, что у нас не было бы сейчас никаких разногласий и дискуссий. Все существо вопроса в том и состоит, что постановления 9-го съезда, которые были известным крупным этапом, по сравнению с предшествующими постановлениями, нуждаются теперь в новом шаге вперед, в более конкретной, с одной стороны, в более широкой постановке вопроса о Проф. союзах — с другой стороны. Голыми фразами о школах коммунизма отделяться нельзя. Я, т.е., попытался набросать в письменном виде о Профессиональных союзах, как о школе коммунизма, несколько мыслей, чтобы уточнить сразу этот вопрос, чтобы можно было ввести его в рамки точной формулировки. Я прочитал это:

«Утверждение, что Профсоюзы должны быть школой коммунизма безусловно правильно, но оно слишком часто превращается в бессодержательное общее место. Профсоюзы не могут рассматриваться просто как арена, на которой коммунистические левейки ведут обще-коммунистическую пропаганду. Поскольку союзы обнимают — пока что весьма условно — весь рабочий класс, постольку, разумеется, вся советская работа, а вместе с этим коммунистическая агитация и пропаганда затрывают союзы и проходят через них. Но этим вовсе не определяется особая самостоятельная роль союзов, и те

задачи, во имя которых они созданы, и должны существовать.

Союзы оказывают поддержку общесоветскому строительству, продовольственной работе, военной и проч. Но, совершая эту работу, союз *отдавал* на нее своих работников, терял их при этом, временно или окончательно, и ослабевал.

Совершая свою *основную* работу, на основе производства и во имя его организация—союз не отдает, не теряет, а приобретает, развивается и крепнет. В этом существе вопроса.

Поскольку союзы—школы коммунизма именно как союзы, они становятся такими школами не в смысле общей коммунистической пропаганды в союзах (ибо при таком подходе к делу союзы играли бы просто роль клубов) и не в смысле мобилизации членов союза для продовольственной и военной работы, а в смысле *всестороннего воспитания своих членов на почве их участия в производстве*.

Союзы становятся подлинной школой коммунизма с того момента, когда все более и более широкая масса видит, что руководящие в союзе коммунисты являются действительными организаторами производства, строителями нового коммунистического хозяйства, и сами тесно связываются с этими руководителями в единстве коммунистического строительства.

Нам, товарищи, очень много говорят о том, что союзы занимались мобилизацией для фронтов, мобилизацией для продовольственной работы, для командных курсов, и нам здесь приводили соответствующие статистические данные. Товарищи, разве можно более ярко обнаруживать отсутствие принципиальной и деловой постановки вопроса о роли профессионального производственного союза, как ссылки на работу по мобилизации для армии, по мобилизации для фронтов, для командных курсов и для продовольствия? Раз рабочий класс является базой и опорой советского государства, то совершенно ясно, что советское государство всякую организацию, всякое учреждение, для которого нужны рабочие, пополняет из рядов Профсоюзов, которые охватывают, по крайней мере, принципиально, весь рабочий класс. И само собой разумеется, когда для армии нужно было на первых порах несколько десятков тысяч рабочих, кто их мог дать? Профсоюзы. Что они делали? Мобилизовали. Разве они мобилизовали каким-нибудь особым профессионалистским путем? Нет, товарищи, профессионалист, которые не хотели идти, он к этому принуждался военным аппаратом рабочего государства. И наши уездные военные комиссары и губер-

ские применяли аппарат борьбы с дезертирами, из числа мобилизованных Профсоюзам. Что тут специфически союзного в этой работе, тем более, что такого рода мобилизация происходила лишь в первый период, когда армия и военные аппараты были слабы. Мы потом отказались от нее, как от слишком неэкономной мобилизации, а в первый период она производилась, когда союзы только-только еще заявляли себя в качестве массовой организации, охватывающей весь рабочий класс. Когда союз отдавал своего работника на фронт, он себя ослаблял, потому что работник, который уходил на фронт, переставал быть членом и рабочим союза. Союзам расходовали себя на создание организаций и учреждений—военных, продовольственных и тем ослабляли себя. Но разве роль союза, назначение его исчерпывается тем, чтобы оказать содействие созданию советских аппаратов? В ту эпоху, когда союзы занимались мобилизацией, в эту эпоху все внимание советского государства и партии было направлено на фронты, в это время союзы все более ослабевали, хирели, лишались своих лучших работников, аппарат их был в высшей степени жалкий, все необходимое отдавалось на фронты. Тут и сущности основная задача союзов еще почти и не ставилась.

Стало-быть можно ли определять основную работу Профсоюзов, исходя из мобилизации на фронт, или продовольственной работы? Это абсолютно неправильно, в корне ложно. Конечно, выполнение этих задач есть заслуга партийных товарищей, которые работают в союзах. Но все комиссарнаты, кроме, может-быть, продовольственного, все комиссарнаты, например, Комиссарнат Народного Просвещения были обязаны известную часть работников дать на фронт. Разве можно, однако, сказать, что работа Комиссарната Просвещения выразилась в качестве одной из важных отраслей в мобилизации сотрудников на фронт. Наоборот, можно объяснить, почему из-за этой мобилизации комиссарнат не выполнял своих основных задач. Товарищи, пустота зиповьевского определения, «союз является аппаратом вовлечения в массовое движение» и пр. и пр., находит свое наиболее яркое выражение в том, что т. Зиновьев вынужден давать статистику мобилизованных для армии, чтобы объяснить историческую роль производственного Профсоюза в рабочем государстве.

Пойдем далее, что нам необходимо сохранить единство в профессиональном движении это бесспорно, это безусловно. Что нам необходимо, как говорил т. Зиновьев, отказаться от приказов, от назначения, решать все вопросы демократическим путем

и т. д. — и это в соответственной перспективе неоспоримо. Товарищи, та точка зрения, на которой я стою, и которая, по моему, есть развитие основного по этому вопросу положения, — положение нашей партийной программы о роли Профсоюзов, — гласит, что производственные союзы должны овладеть всем производством, путем постепенного сращивания своих органов с соответственными органами рабочего государства. С этой точки зрения задача настолько колоссальная, что она должна заполнить собою целую историческую эпоху. Задача воспитанная и перевоспитанная каждого работника партии и Профсоюза, каждого рабочего в вопросе о новой роли, о новом отношении рабочего к самому производству, задача настолько колоссальная, что было бы идиотизмом пытаться путем приказов, кар и назначенства разрешить эту историческую задачу рабочего класса, равной которой у него не было, ибо даже завоевавши государственной власти (я не говорю уж о борьбе на фронтах) является только слабой, очень драматической, очень героической, но слабой предлодией, небольшим вступлением к основной задаче, которая сейчас стоит перед рабочим классом — организация хозяйства на коммунистических началах. Эта организация хозяйства делается людьми и через людей, она требует соответственной организации человеческого сознания, приспособления сознания к новым задачам. И вот эта работа по перевоспитанию каждого работника, каждого рабочего, по установлению между ним и его работой нового отношения, она должна занимать целую историческую эпоху, и здесь в связи с этим говорят, что одни методы приказа, кары и назначенства не помогут и вопроса не разрешат, — это, разумеется, абсолютно бесспорно, но именно потому, что это в такой общей форме бесспорно, это может ввести в заблуждение, когда речь идет об отдельных периодах и отдельных задачах. Тов. Зиновьев, помимо воли, повинен в том, что вводит нас в заблуждение. Когда он, коснувшись гораздо более обильно, чем о производственной роли союзов, вопроса о Главполиттуту и Цектроне, связал этот вопрос прямо и непосредственно с общим вопросом о роли профессионального движения и его значении в рабочем государстве, то это есть подмен вопроса. О Главполиттуту тов. Зиновьев цитировал резолюцию 9-го съезда. Эта резолюция была написана мной, и я от нее совершенно не собираюсь отступать. Но эта резолюция говорит о чем? Она говорит об исключительных мерах в исключительный период для исключительных задач, а вовсе не об общих методах

Профсоюзов. Сам товарищ Зиновьев, эту резолюцию проводивший, говорит: да, по отношению к прошлому это было правильно, но вот неправильность в том, что когда возник вопрос о новых методах, о рабочей демократии, то кто-то такой упирался. Два слова о фактической стороне вопроса. До последнего совещания Цектрапа было предreshено в Цектроне Главполиттуту упразднить. По отношению к Главполиттуту товарищ Зиновьев цитировал здесь мое письмо членам Политбюро, в котором я высказывался, что Политвод своей задаче еще не выполнил и что ликвидацию его надо отложить еще на два, на три месяца. Но я здесь вас спрошу: разве это был вопрос принципиальный, разве вопрос шел о том, что Главполитвод должен заменить собою Профсоюз водников? Нет, весь вопрос сводился к тому, сегодня ли, или через два месяца упразднить Главполитвод? Может быть, вы скажете, что Главполиттуту надо было упразднить еще в августе или сентябре. Допустим. Но что наше улучшение. Но какой же отсюда вывод? Никакого. Товарищ Зиновьев ведь не говорил, что не нужно было организовывать этих учреждений, ведь он сам принимал участие в их организации. Он признает, что это было сделано правильно, что это было организовано для спасения транспорта. Все это им признается. И он до совещания Цектрапа о закрытии Политтуту и Политвода ничего не говорил, никогда этого вопроса не вносил на разрешение Центрального Комитета Партии. А в этом весь вопрос. Если вы спросите: а что, вопрос о Главполиттуту разрешался ли путевским ведомством или в Ц. К. Партии, то я утверждаю, что ни один сколько-нибудь принципиальный или крупный практический вопрос, касающийся Главполиттуту и Главполитвода — о назначении туда работников, снятии оттуда работников и пр. и пр. — ни один не разрешался без Ц. К. партии, и товарищ Зиновьев, даже когда он отсутствовал, он решительно все протоколы Организационного Бюро и Политбюро Ц. К. получал и никогда не протестовал. На многих заседаниях он сам принимал участие, и никогда никакого разногласия по этому поводу у нас с товарищем Зиновьевым не было. Разногласия начались в тот момент, когда Главполиттуту и Цектрап сами постановили о необходимости роспуска Главполиттуту. Только с этого момента начинаются разногласия, в которых очень трудно разобраться: есть ли это разногласия задним числом, или они, наоборот, натянуты аналитически вперед. Тут было сказано, что некоторая часть членов Ц. К. упиралась на

счет рабочей демократии и не хотела по этому разбивать Главоплитпути и проч. Это неверно. Это неправда. И я утверждало, что если даже есть разногласия в этой области, то во всяком случае самая инцидентная постановка этого вопроса принадлежит не товарищу Зиновьеву, а товарищу Преображенскому, с которым я вместе голосовал в декабре месяце за резолюцию относительно производственной роли союзов. Товарищ Преображенский. Не помню точно, когда это было в августе или сентябре (Крестинский: в июле). Да, в июле еще внес в Ц. К. вопрос о том, что мы должны перейти на новые рельсы в отношении внутренней жизни наших рабочих организаций. Этот вопрос ставился неоднократно, вырабатывались тезисы и уже потом, в конце, когда основа была готова, товарищ Зиновьев к этому делу руки приложил. А до тех пор, пока к этому делу товарищ Зиновьев своих рук не прилагал, у нас в Ц. К. не было по поводу рабочей демократии никаких разногласий ни с товарищем Преображенским ни с др. Эти разногласия начались у нас в тот самый момент, когда обнаружилась попытка направить гнев оппозиции на ряд товарищей, виновных в том, что они выполняли наши с т. Зиновьевым решения.

Суть дела в том, что тов. Зиновьев до крайности испугался того, что в партии есть недовольство теми методами, которые мы применяли, и по поводу которых я говорил в театре Зимина, что методы эти были тверды и жестки, но необходимы, и что за эти методы нададет ответственность и на меня, как на 20-ю часть Ц. К. или более того, если прибавите военное и путевское ведомство. Я утверждал, что, несмотря на то, что в этой работе и мы совершили, вероятно, много ошибок, мы все-таки эту работу провели правильно и ответственности за нее не испугаемся, и не поведем себя так, как повел себя т. Зиновьев, про которого правильно сказал один товарищ, что тов. Зиновьев выбежал на улицу и начал кричать: «А, тут верх нагадили, где эти верхи? Я задам этим верхам, только позвольте мне и т. д.»... Это очень резко проявилось со стороны Зиновьева в отношении Главоплитпути и Цектрана. Там работают заслуженные товарищи, которые, может-быть, и делали ошибки, но которые добросовестно выполняли поручение Ц. К., которые докладывали Ц. К. чуть не каждый день, что и как они делали, и их работа пахнула санкцию Ц. К. А когда Зиновьевым вопрос был поставлен так, чтобы этих работников Главоплитпути и Цектрана превратить в козлов отпущения, на это мы не пошли.

Так как, видите ли, есть недовольство, и так как это недовольство ярче всего проявляется через Профсоюзы, громче всего проявляется хотя бы через т. Лутовинова, который защищая рабочую демократию в Профсоюзах, до т. Зиновьева, то для ускорения примирения с этими работниками предлагалось ошельмовать и выбросить тех работников Главоплитпути и Цектрана, которые выполняли возложенную на них работу. Я на это не мог согласиться, не соглашаюсь и сейчас. (*Аплодисменты.*) Тов. Зиновьев, несущий ответственность за все прошлое, говорит, что наступил поворотный момент и это в общем и целом правильно, что нужны более широкие развернутые методы работы. Но Зиновьев, тут же бьет тревогу: беда в том, что Троцкий не понял того, что он ошибся, заявив, что Политбюро надо упразднить, на два месяца позже. Допустим, что эта ошибка страшилась, роковая, что я в отпущении Главоплитпути, действительно, не оценил «новой эпохи» во-время. Но если тов. Зиновьев, у которого часы истории в кармане, и который точно знает, где нужно сделать поворот и насколько градусов, почему же он не внес во имя новой эпохи предложения, которое было бы единственно серьезным: почему он не предлагает упразднить военное положение на ж. д., ликвидировать железнодорожные и водные военные трибуналы? Товарищи, как бы мы ни стремились, чтобы профессиональный железнодорожный и водный союз получил больше свободы и прав, больше демократизма, мы до тех пор ничего решающего не достигнем, пока на ж. д. и водных путях останется военное положение с военными трибуналами, до тех пор это будет производственная или рабочая демократия, как хотите, — но под знаком военного положения!..

И вот, тов. Зиновьев, этот апологет, этот защитник, адвокат, пропагандист чистой, непродуманной, — чистой, потому что бессодержательной рабочей демократии (*апл.*)...—тов. Зиновьев, говорю, не заметил той мелочи, что за спиной рабочей демократии, которую он собирается создавать, что за ее спиной на ж. д. имеются военные трибуналы. Если бы тов. Зиновьев хотя бы кивком головы ответил нам сейчас: предлагает он упразднить военные трибуналы на жел. дор. или не предлагает? К сожалению, тов. Зиновьев не удосуживает нас кивком головы.

Зиновьев. Я отвечу в своем заключительном слове.

Троцкий. У тов. Зиновьева будет заключительное слово. Я не сомневался, что он использует его с большим искусством. Но вряд ли он ответит удовлетворительно и в

заявительном слове, почему, отставив чистую и безусловную демократию, он до сих пор не предложил снять военное положение на жел. дорогах. Здесь-то мы и подходим к существу вопроса. Я, товарищи, раз мы здесь так откровенно и открыто эти вопросы ставим, сообщая, что я в кругу работников Цектрала ставил вопрос о снятии военного положения на жел. дорогах. Я ставила его на предварительное обсуждение, прежде, чем внести в Ц. К. Я встретил к этому отрицательное отношение и выслушал ряд деловых, очень важных соображений, которых я не буду приводить.

Председатель. Поступило заявление, что в залу проникли посторонние нашей партии лица. В виду того, что наше собрание должно быть исключительно собранием нашей Партии и главным образом членов 8 Съезда покорнейшая просьба ко всем непартийным, посторонним, немедленно удалиться из залы заседания (*шум*). Будьте добры проверить у соседей мандаты (*шум*). По обсуждению бюро предлагается всем беспартийным отделиться. Тов. Троцкий в своем слове будет иметь это в виду. Заседание продолжается.

Троцкий. Товарищи, я просил бы вас занять места и спокойно слушать. Если тут есть какие-нибудь наши тайные противники, они услышат только, что у нас с тов. Зиновьевым и с некоторыми другими товарищами есть серьезное разногласие по вопросу о Профсоюзах. Но если они будут надеяться на какой-либо для них профит, то они ошибутся, как они ошибались много раз и в прошлом...

Я спрашиваю, товарищи, почему мы не снимаем военного положения на железных дорогах и почему даже патентованные защитники рабочей демократии этого не предлагают? По той самой причине, по которой мы вводили Главполитупуть. У Зиновьева выходило так, что Главполитупуть разрушил железнодорожный профессиональный союз, который был крепким. Но почему же была надобность создавать Главполитупуть? Ведь Главполитупуть был создан именно потому, что железнодорожный союз не мог справиться со своей основной задачей, т.-е. с организацией производства, транспорта. Если это обвинение по адресу союза? Зиновьев пытался обратить мою характеристику состояния союзов в мое «обвинение» по адресу союзов, это несообразно, копировать не значит обвинять. И, в концом концов, не нужно нам ни прокуроров ни адвокатов профессионального союза, а необходимо марксистский анализ того, что есть и определение пути преодоления тех болезней, которые у нас есть. Главполитупуть, конечно, это было лекарство архиострое от

болезней транспорта и его союза. Разве мы не отдавали себе в этом отчет? Тов. Зиновьев говорит, что теперь предлагают по отношению ко всем союзам такого рода органы, как Главполитупуть и т. д. Во-первых, никто по отношению ко всем союзам такого рода органов ни теперь ни когда бы то ни было не предлагал. А во-вторых, такого рода методы применялись не только по отношению к железным дорогам и водному транспорту, к которому они были применены лишь с мая месяца, через 3 месяца после партийного съезда. По отношению к угольной промышленности на Дону они были применены без особых возражений. Там было до недавнего времени Политотдел, и если вы спросите, кто упразднил Политотдел в Донбассе, то украинцы вам скажут, что в этом ближайшее участие принимал я, когда послал меня Совнарком в качестве председателя полномочной комиссии по Донбассу. Товарищи украинцы из горного союза знают это и подтвердят, что там на месте, вместе с тт. Кавиным, Ермошенко, Магидовым и другими товарищами мы постановили немедленно приступить к снятию Политотдела Донбасса и горного союза, и это снятие сейчас уже, насколько знаю, совершившийся факт. Разумеется, никакого такого особого пристрастия к Политотделу, как таковому, у меня не было. Я относился и отношусь к этому вопросу с чисто практической точки зрения. Но пойдем дальше. По существу дела раздаются обвинения, что Ц. К. Партия с Зиновьевым играл роли Политотдела по отношению к В. Ц. С. П. С. Да и сам т. Зиновьев говорит, или намекает на то, что Ц. К. неосторожно поступил по отношению к В. Ц. С. П. С. Но раньше Зиновьев этого не говорил. Т. Томский—тогда действительно, жаловался несколько раз—и был вероятно иногда прав,—что Ц. К. слишком вторгался в внутреннюю жизнь и в вопросы состава органов профессиональной организации. Разве нет таких же жалоб каждого губернского совета профессиональных союзов на губернский комитет Партии. В чем эта жалоба состоит? В том, что Губкомпарт превращается в некоторый Политотдел по отношению к губернскому совету профессиональных союзов. Стало-быть, если расширить вопрос, то дело идет не о каком-то новом, главполитупутском принципе, а об всей системе взаимоотношений Партии и Союзов. Ц. К. Партия мог непосредственно руководить В. Ц. С. П. С., а в области транспорта, где Профессиональный союз не справлялся с производственной задачей, где положение было отчаянное—и это было признано Ц. К.—создали временный вспомогательный орган. Так стоял вопрос.

И до тех пор (это я говорю, т. т., не боясь, что сторонники рабочей демократии увидят в этом невероятную ересь) до тех пор, пока Профсоюзальные Союзы не совершат огромный шаг вперед по своей внутренней перестройке и по овладению производством, до тех пор будет происходить и нервно, часто наиболее вмешательство Ц. К. и партийных организаций и до тех пор С. Н. К. и В. Ц. Н. К. и Экономическое Совещание будут посылать на места уполномоченных или уполномоченные комиссии. Будем, конечно, стремиться свести это к минимуму. Это бесспорно. И члены С. Н. К., может быть, припомнят, что после первых моих поездок на места, не то в конце 1918, не то в начале 1919 г., я внес в Совнарком проект о том, чтобы как можно меньше посылать чрезвычайных и особых уполномоченных на места. Проект был урезан тогда, и в частности т. Лениным. Почему? Тогдашние профессиональные органы были слабы, а местные Советские органы были несколько крепче, но тоже не сильны. Вот почему у нас *назначенство*. Подходя к этому важному вопросу, я спрашиваю: предлагается ли снятие с железных дорог участков, мастерских, *комиссаров*, которые назначены Главполитупругом и утверждены Н. К. П. С., и которые являются ничем иным как ставленниками, назначенцами партии? Вот в чем вопрос. Конечно, т. т., нам всем приходится учиться вопросам администрации и хозяйства, но т. Зиновьев слишком пропагандистски подходит к каждому практическому деловому вопросу забывая, что тут не только *материал* для агитации, но и вопрос, который надо решить административно. Комиссары, эти коммунисты—назначенцы, независимо от того будет ли у нас в Профсоюзах назначенство—я думаю, что не будет, ведь они не сняты нами со своих постов. Как же будет дальше? Допустим, что их же выбрали в союз, но они стоят, как комиссары дороги, рядом с нами дорпрофсоюз, и вот их, как назначенцев, подвергают травле и не только элементы нам враждебные, но отчасти и наши партийные товарищи, менее сознательные или более ожесточенные в борьбе за рабочий демократизм. И что каждый из нас должен сказать в этих условиях? «Т. т., это назначенцы, но они назначены нашим государством, нашей партией». Разве это не азбучно? Мне кажется, что из этого делать вывод, как Зиновьев, что я продолжаю поддерживать назначенство, никак нельзя, ибо сам Зиновьев не предлагает снять комиссаров. Можно сказать: но это не касается Профсоюзов, мы это строго разделим—комиссар и союз. Допускаю, что мы это разделим на словах; но что получится

на деле? Что мы скажем массе? Вот председатель Горпрофсоюза—он не имеет никаких административных прав, а рядом с ним комиссар, который является воплощением репрессивных мер; оба они члены Ком. партии, но один—представитель рабочей демократии, а другой—назначенец, каратель, главполитупруг, цектранщик.

И вот почему, т. т., я утверждаю, что та позиция, которую занимает тов. Зиновьев, приводит к тому, что мы назначаем одной рукой комиссара и говорим ему: «спасай жел. дороги, проводи военный режим твердой рукой», а сами, с другой стороны, говорим массе: «вот вам рабочая демократия, а те, другие, которые там за назначенство, за тюрьмы и т. д.—это отпрыск прошлого периода». Это, товарищи, двуручничество и больше ничего. Я скажу открыто, везде и всюду, на любом собрании жел.-дорожников выступлю и скажу, что наша задача—восстановление режима рабочей демократии. Но рабочая демократия—это не нечто такое, что упадет на жел. дороги с небес. Ее нужно развивать. Но нужно развивать и транспорт. К сожалению, это идет не таким темпом, как формирование рабочей демократии, которая способна была бы своими методами разрешить производственные вопросы. Поэтому, содействуя развитию производственной демократии методами, которые дает нам история, мы все еще вынуждены сохранять привитые уже чрезвычайные меры, чтобы транспорт не погиб и не подорвал элементарнейший фундамент под этой самой рабочей демократией. И мы скажем рабочей массе, что этот комиссар, нами назначенный, не есть отродье какое-то, отпрыск прошлого периода, а является одним из участников в строительстве дела рабочей демократии, ибо он спасает транспорт, без которого не будет и самой рабочей демократии. Раз комиссары назначены нашей коммунистической партией, и существуют сегодня, не снимаются нами, то можно ли иначе объяснять это рабочей массе? А между тем часть коммунистов вела и ведет перед рабочими массами, перед непартийными, бешеную атаку, отчаянную борьбу против комиссаров, как против назначенцев, забывая, что они назначенцы нашей партии и рабочего государства. Товарищи, если это есть борьба за рабочую демократию, то ее могут позволить себе только чистые агитаторы, которым нет дела до фактической организационной и хозяйственной работы. Но тот рабочий Главполитупруги и Цектрана, который ежедневно встречается с этим на деле, знает, что есть прогуглы, что приходится применять репрессии, что есть жел.-дор. трибуналы, что мы имеем комиссаров и пр. и пр. И

мы не можем — раз комиссар нами же сохраняется — удолетворить рабочие массы тем, что по воскресеньям мы будем выступать тов. Зиновьева с речью против комиссаров, а в остальные дни недели комиссары-назначенцы будут проводить дисциплину и спасать транспорт. Поэтому весь подход тов. Зиновьева является воскресным выступлением, а не деловым, не серьезным подходом к этому вопросу. (*Аплодисменты*).

Рабочая демократия и производственная демократия! Остановимся на этом. Тов. Зиновьев говорит: «Это само собой разумеется, вопросы хозяйства являются важнейшими, но не нужно болтовни по этому поводу». Очень твердо и решительно! Я не знаю, что называет тов. Зиновьев болтовней, но, товарищи, вопрос стоит все-таки так, что сколько бы мы ни писали в прошлом о задачах хозяйства и союзов, все это относилось к другому периоду. Мы, конечно, кое-что предвидели и по отношению к нашей эпохе, но далеко не все, ибо ведь мы впервые в истории человечества приступаем к организации хозяйства через посредство массовых организаций.

И вот здесь мы снова подходим к вопросу о роли Профсоюзов, как таковых, — вопрос, которого Зиновьев серьезно даже не коснулся. У нас есть 6 — 7 милл. членов Профсоюзов, говорят нам. Что такое член профсоюза? На этот вопрос Зиновьев опять-таки не ответил. Что означал член профсоюза при буржуазном обществе у нас, и что означает во всем буржуазном мире? Это мы знаем, это означает рабочего, который вступает индивидуально, как таковой, в профсоюз, потому что на опыте своей жизни, на данной стачке, на локауте убедился в необходимости коллективной организации для борьбы, он вступает в союз, уплачивает вступительный взнос. Этот акт вступления рабочего в профсоюз составляет эпоху в его жизни, он этим приобретает к коллективной борьбе своего класса. Я спрашиваю, — у нас сейчас, в настоящих условиях, наблюдается этот факт? Ничего подобного. У нас все рабочие данной отрасли производства самым фактом работы на заводе являются членами профсоюза. Того, что составляло важнейшую часть воспитательной работы — привлечения, вербовки, рекрутирования новых членов профсоюза, — того, что составляло центр тяжести работы в профессиональной области, завоевания душ, этого момента духовного рождения нового члена профсоюза, когда он переступает порог союза — этого у нас нет. У нас все рабочие являются членами профсоюза. Что же это значит? Это значит, что у нас профессиональные союзы являются

пока что псевдонимом пролетариата, другим названием для рабочего класса. Что означает профсоюз металлистов, текстильщиков и т. д.? Он означает совокуиность всех рабочих, которые в данное время находятся в области металлопромышленности или текстильной промышленности. Здесь профсоюза нет еще. Зиновьев говорил: «Не успев нужно делать, что, дескать, они слабые или сильные». При чем тут упрек! Что это за отношение к делу? Архиповерхностное, бессодержательное! При чем тут упрек? Нужно прежде всего понять, что есть. В наших профсоюзах есть кадр работников, руководителей, которые формировались, создавались на почве экономической борьбы. У нас этот период был не очень длительным. Есть кадр работников, которые вели баррикадную борьбу, как профессионалисты и коммунисты, они имеют известное влияние и авторитет, и это, конечно, счастье для партии. Но, товарищи, это есть капитал, завоеванный в прошлом на почве стачек, на почве воспитаний и баррикадных боев против буржуазного государства. Но мы спрашиваем себя сейчас, в чем выражается живая, постоянно обновляемая связь между кадром профессиональных работников и этой будто бы организованной массой металлистов, текстильщиков? На этот вопрос не дают никакого ответа, кроме того, что если умирает ребенок, то мать отравляется в союз на счет гроба и похорон. Но мы говорим ведь о Профсоюзах, а не о бюро похоронных процессий. Я спрашиваю — что такое нынешние Профсоюзы? Во всем объеме своем они являются не субъективной группировкой, а объективной. Субъективная группировка, это такая группировка, куда каждый входит, понавши, почему входит. Такими Профсоюзами были союзы до революции, во время революции и в первый период после революции. После этого они расширяются на всякого, кто участвует в производстве, на десятки и сотни тысяч рабочих или, вернее, работающих — женщин — не рабочих по психологии, которые, как только вливаются в промышленность, так сейчас же формально накрываются крышкой профсоюза. Они уже члены профсоюза, но не индивидуально, не лично, не субъективно, они не вошли сознательно, их зачислили, записали, с них берут взносы. Зиновьев говорит, что я делаю, мол, упрек, что через фабричную контору берут членские взносы. При чем тут упрек? Но надо уметь не закрывать глаз на смысл того, что происходит.

Не опьяняться фразами нужно, а понять, что есть на деле. Есть известный кадр руководящих работников в профес-

сиональным движении, небольшой, есть к ним доверие со стороны более старых членов профсоюзов. Это есть. Кроме того, есть три четверти, а где, может-быть, и девять десятых так наз. членов Профсоюзов, которые ничем основным, внутренним с Профсоюзами не связаны. Я спрашиваю чем мы раньше связывали массы с Профсоюзами, с стачечным комитетом? Стачечный комитет руководил стачкой, стачка была в жизни каждой группы рабочих крупнейшим событием. Стачечный комитет выросал в союз, правда, примитивный, по организации, но такой, который выполнял важнейшую работу и стачечную, и помощи во время локаута, и участие в массовом движении, когда оно выливалось на улицу в виде манифестаций и т. д. В этой именно работе наши Профсоюзы, как ни молоды, известный капитал накопили. Было бы величайшим несчастьем, если бы мы думали, что они могут жить процентами с этого капитала, т. е., что та связь, которая создавалась в борьбе против буржуазного общества и царизма, достаточна, что она собою определяет роль и задачи союзов в наше время, содержание их работы. Нет, об этом не может быть и речи. Тов. Зиновьев и другие указывали, что в предшествующую эпоху Профсоюзы в значительной мере превратилось в вербовочное бюро для фронта. Это уже не стачки, а нечто совершенно новое. Это была большая работа, она отвечала моменту. В связи с этой работой велась революционная — классовая агитация, в которой не было ничего специального-производственного или «союзного». Но эта глава прошла. На чем же могут базироваться Профсоюзы в рабочем государстве? На чем другом, кроме как не на участии в производстве, на чем другом, кроме как не на организации рабочих для самого производства? Это есть основной вопрос. На этой почве Профсоюзы не могут существовать, ибо все остальное они совершают только на основе своего участия в производстве. Почему союзы в рабочем государстве организуются по производству? В буржуазном обществе, мы знаем, почему союзы организованы по производству. Потому что по производству организован капитал. Там и рабочие организовались по производству, чтобы непосредственно наступать на врага. А у нас почему профсоюзы организованы по производствам? Какая основа для этого? Никакой другой, кроме как участия в организации самого производства, нет. Тов. Зиновьев говорит, что создание производственной атмосферы, есть ужасающее злоупотребление словом. Почему? Что такое?

Атмосфера, военная, фронтовая атмосфера у нас была. Мы говорили почти исключительно о фронтах, читали сводки с фронтов с величайшим напряжением, следили за всеми подробностями, работали для фронта, как могли, это была военная фронтовая атмосфера, какое же тут злоупотребление словом? Это мелочная придирчивость. Я говорил, что теперь должна создаваться в рабочей массе, в толще ее, не только на поверхности, *производственная атмосфера*, т. е. такое же напряжение, деловой интерес, внимание к производству, какие были к фронтам, где мы знали, что от неустойки на любом участке может зависеть судьба Сов. Республики. В этом смысле я и говорил о производственной атмосфере. Ее надо создать. Зиновьев на это возражает, что он, видите ли, год тому назад написал книжку о хозяйственных задачах, которую даже похвалили в «Правде». Эка штука, подумаешь, Зиновьев год тому назад написал книжку, которую в «Правде» похвалили, а мы считаем, что задачи до сих пор еще не разрешены, и даже «производственной атмосферы» нет до сих пор... не еретики ли мы в самом деле? Я допускаю, что книжка тов. Зиновьева, я даже уверен в этом, была гораздо лучше его сегодняшней речи. Но в то же время не сомневаюсь, что она была только слабым предчувствием тех работ, той воспитательной деятельности, которую мы должны будем развернуть для того, чтобы на каждом заводе, фабрике развить новое отношение рабочих к их труду, чем это было ранее.

Здесь мы подходим к существу вопроса. Есть ли у рабочих это производственное воспитание? Есть ли у наших рабочих, у работников Партии и Профсоюзов производственное воспитание? Да или нет? Я отвечаю: нет. Есть у нас в Партии большое революционное воспитание, большой закал подполья, дальше есть боевое военное воспитание, которое нам далось с большим трудом, которые мы, коммунисты, приобрели и которые мы прививали остальным более отсталым элементам. Но все предшествующее содержание нашей работы является лишь маленькой дробью по сравнению с задачей производственной и по сравнению с производственным воспитанием, которое нужно дать рабочим массам. Старые Профсоюзы этого не давали и не могли дать. В чем здесь разница? Новое производственное воспитание коренным образом отличается от профессионального, *традьюнионного*. Тов. Зиновьев говорил, будто я употребляю слово *традьюнионизм* в смысле ругательном. Ничего

подобного. Трэд-юнионизм можно понимать в двойном смысле. Во-первых, в смысле известной теории, которая заключается в том, что профессиональное движение теоретически, идеей замыкается в определенные реформистские рамки, чисто оппортунистического соглашательства на почве буржуазного общества. Но практика Профсоюзов на почве буржуазного общества и у революционных и у оппортунистических союзов—сводилась к давлению на капитал для того, чтобы отвоевать более высокую заработную плату, более короткий рабочий день. Она сводилась к тому, чтобы пажать на государство, дабы из общего национального продукта получить большую долю для данной группы или для рабочего класса в целом. Вот в чем была основа работы Профсоюзов в буржуазном обществе, и в том числе Профсоюзов революционных. Огромное отличие последних в том, что они развивают агитационно-воспитательную работу и, исходя из экономической стачечной боевой основы, ведут свою работу дальше вплоть до завоевания власти. И я спрашиваю, что эти основы заменяют сейчас? Тов. Зиновьев ответа на этот вопрос совершенно не дает. Но мы его должны дать. Мы должны сказать на любом заводе, на любой фабрике—и это мы сможем сделать, отнюдь не опасаясь того, что при этом меньшевики и эсеры создадут нелегальные союзы—мы должны сказать, что в рабочем государстве не нужен тот боевой пажим на государство, который был раньше необходим в буржуазном государстве. Не борьба с рабочим государством нужна для защиты интересов трудящихся,—нет, теперь возможно только путем повышения производительности труда и путем улучшения техники защищать подлинные интересы рабочего класса. Что мы делали нашей революционной агитацией мы выживали рабочего из сферы интересов его завода и станка, на котором он работал автоматически, направляли его мысль и волю на борьбу против капитала, против буржуазии, царизма и т. д.

Но теперь, когда буржуазная система производства уничтожена, произошло ли параллельно необходимое перевоспитание? Я спрашиваю: создался ли такой навык у нашего рабочего, чтобы мысль его во время работы была направлена на то, как правльнее, лучше, продуктивнее использовать время у данного станка, на данном заводе? Разумеется, у отдельных единиц это есть. Но только у отдельных единиц, у немногих. А нам нужно распространить это на всю массу, чтобы каждый рабочий

чувствовал, что он вовлечен в эту работу—не для того, чтобы автоматически, механически участвовать в ней, как паемник, и чтобы через контору брали с него известные членские взносы, но чтобы каждый рабочий чувствовал, что он активно и сознательно участвует в коммунистическом строительстве. В соответствии с этим руководители профсоюзов должны быть прежде всего производственниками, организаторами, которые действительно содействуют улучшению положения масс—не в общем смысле, а конкретно, на деле, работой на каждом данном заводе.

Есть ли это... сейчас? Нет! Подойдем к вопросу, чем заполнена жизнь Профсоюзов, вся професс. работа, которая протекает в Советской России, в чем она выражается? Она в значительной мере в стороне от хозяйства. Мы говорили на съезде советов об электрификации, говорили, что это вышло из Совнархоза и т. д. А я спрошу, каким образом отразилась разработка этого плана в В. Ц. С. П. С.? Опять-таки я говорю это не в виде «супрека», а для характеристики того, что Профсоюзы действительно находятся вне той работы, которая дает сейчас содержание всей жизни советского государства. Мы подошли во всех областях к планоному хозяйству, мы прошли к объединению экономических комиссаратов во имя единого планоного хозяйства. А наблюдаем ли мы у Профсоюзов соответственное развитие и приспособление к этим задачам их аппарата? Этого нет, они и остаются в стороне, все больше отстают и успокаивают себя тем, что они являются школой коммунизма.

Если Профсоюзы хотят из объективной группировки превратиться в сознательную, субъективную, из организации, которая живет инерцией прошлого и отчасти выполнением бессистемной работы, которую она разделяет с другими учреждениями, превратится в организацию планомерной живой работы, то они должны сказать себе, что такое превращение возможно только на производственной основе.

Тов. Зиновьев говорит, что для того, чтобы чего-нибудь требовать, нужно дать аппарат и смысается на то, что союзы не имеют самого необходимого и что в то же время какой-нибудь картографический отдел Реввоенсовета обладает большими средствами, чем весь В. Ц. С. П. С. в целом. Тов. Зиновьев не нападает прямо, а делает это обхьяками. Выходит, что кто-то задерживает усиление профсоюза, хотя на это есть постановление Ц. К. Тов. Зиновьев делает намек на то, будто военное ведом-

ство чего-то не дает... Как трудно урегулировать такие вопросы—должно бы быть ясно Зиновьеву из того, что такого отвратительного хозяйства, такого бюрократизма, как у самого т. Зиновьева в Коминтерне, не найти...

Швыряться обвинениями легче, чем сделать что-либо кому. В ответ на обвинения тов. Зиновьева я напомню, что после получения известия о том, что Врангель разбит, именно я внес в Ц. К. предложение создать комиссию во главе с Рыковым, для изъятия из военного ведомства для других ведомств всего того, что нужно и можно. Правильно ли это, тов. Рыков?

Рыков. Правильно.

Троцкий. Ни я, и никто в военном ведомстве, не может индивидуально распоряжаться машинами или чем-либо другим. Для этого создана междуведомственная комиссия. Тут, может-быть, есть т. т. из горного союза, которые приходили ко мне и говорили: нельзя ли получить технические средства, машины и т. д.? Я сказал: «Если вы принесете от Томского из В. Ц. С. П. С. записку, я по телефону обращусь в Оргбюро и к тов. Рыкову, и если не будет протеста, я розыщу все, что возможно». Кажется, т. Томский согласился и горняки получили, что нужно. Таким образом, если тов. Зиновьев изображает дело так, что кто-то скрывает и удерживает, не понимая значения Профсоюзов, это чистейшая чепуха. Ничего подобного нет. Разумеется случаи злоупотребления можно подобрать сколько угодно, но оперировать ими это—то же самое, как если б я, доложивши вам, что я получил записку от 80 тов., из них 30 человек иностранцев, о том, что в Деловом Дворе злоупотребления, что там бьют по физиономии, дурно обращаются и т. д., если бы я стал делать выводы, что это есть «тенденция» профсоюза, «тенденция» тов. Томского... Такого рода методы борьбы совершенно неуместны. Столь же неуместно то, что говорил т. Зиновьев о чести военного мундира, которую мы будто бы защищаем. Это неправда. На самом деле во время заседания фракции съезда, где было сотни две или больше т. т. красноармейцев, которые не искусны в некоторых методах полемики, они посылали записки: «почему это, когда нужно кого-либо обругать или осудить, говорят, — они действуют как буденовские кавалеристы?» Один написал мне: «Я шесть раз ранен, возвращаясь обратно, а тут говорят худо о буденовцах». На это я сказал: «Т. т., будьте осторожнее в своих определениях и выражениях, вы можете, не желая того, оскорбить воен-

ных работников». Ничего другого я по существу не говорил, и кивки насчет мундира это один из неуместных приемов, которые применяет, к сожалению, тов. Зиновьев.

Но вернемся к вопросу относительно сращивания с органами государства. Тов. Зиновьев говорит: сращивание мы всегда признавали и тов. Троцкий неправ, когда говорит о том, что сращивание отрицалось. Это неверно. Я вел полемику с т. Томским. Тов. Томский, может-быть, по недоразумению, может-быть, потому, что плохо понял, может-быть, потому, что я плохо объяснил, но он эту идею сращивания категорически отверг на одном или двух собраниях. По этому поводу я polemизировал с ним. Но я опасуюсь, что мне придется по этому же поводу polemизировать и с тов. Зиновьевым. Он говорит: «Эка невидаль—сращивание, мы дадим вам три сращивания, мы за этим не стоим». Тов. Зиновьев слишком великодушен, слишком легко отдает сращивание как дешевку, стало-быть, он не ценит и не понимает задачи... Нет, нам надо не три, а одно сращивание, серьезное и планомерное. Как же Зиновьев понимает это по существу? Это осталось совершенно неясным. Он ограничился все той же ссылкой на 9 съезд. Но 9 съезд говорил о сращивании, то ведь сращивание есть какой-то процесс. Если на 9 съезде было сращивание на одном пункте, то на 10 съезде, который происходит через год после 9-го, это сращивание должно сделать какие-то новые успехи. А тов. Зиновьев «сращивает», повернувшись лицом не вперед, а назад, к прошлогоднему съезду. Сращивание означает, что органы профсоюзов должны постепенно сближаться, сочататься и сливаться. Но что мы имеем сейчас? В лице т. т. Рыкова, Милютина и других мы имеем организаторов производства коммунистов, специализировавшихся в области производственной работы, по мы не имеем в их лице и в их среде работников, связанных с массовой организацией производителей, какой должен стать профессиональный союз.

Мы имеем, с другой стороны, в лице т. т. Томского, Рудутака и др., представителей профессионального союза, который должен еще стать массовой производственной организацией. А какие отношения между ними, между В. С. Н. Х. и В. Ц. С. П. С.? Постоянная борьба, конфликты, трения, столкновения. И если т. Зиновьев изображает дело так, что дектракцион всему виной, то он не сказал вам, что мы имеем и вопросы об

отставках и конфликтах по линии профессионалистов и В. С. Н. Х. Почему? Потому что взаимоотношения их совершенно не определены. Мимо этого пройти нельзя. Вопрос о сегодняшних взаимоотношениях В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х.—это не вопрос прошлой годней брошюры Зиновьева и других форм прошлого года. В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х.—какие должны быть между ними взаимоотношения? Вы от этого вопроса легко отмахнулись. А между тем он должен быть решен. На IX съезде было предпринято, что они действуют «по соглашению». А соглашение это достигнуто? Нет. Наоборот, разлад усилился. Мы имели в момент 5-й конференции Профсоюзов острый конфликт между В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х. Это все знают. Стало-быть, если 9-й съезд говорит, что они действуют по соглашению, а соглашение не достигнуто, то не отмахиваться нужно от вопроса, а искать тех организационных путей и подходов, которые облегчат и соглашение, и сращивание. Одна из причин, почему согласованной работы нет, состоит в том, что вместо организационного сближения происходит дальнейшая специализация и разъединение специалистов по чистому производственной организаторской работе и по профессиональной, которая лишена производственного стержня. Вот в чем главная беда. И в моих тезисах по этому поводу, во имя общей задачи перевода профессиональных союзов на производственные рельсы, намечены некоторые практические шаги. Так как В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х. должны, чем дальше, тем больше срачиваться, то важно со сращивания в одном, двух и трех звеньях. Я говорил с рядом профессионалистов, говорил с некоторыми производственниками из В. С. Н. Х., и они отнеслись к этому предложению положительно, я говорил, что необходимо, чтобы в Коллегии В. С. Н. Х. и в Президиуме В. Ц. С. П. С. было известное количество общих работников, которые правильно, изо дня в день, работают и там и здесь. Когда решают вопрос о рабочих, об их штатии, об экономизации рабочих сил, нужно, чтобы профессионалисты точно знали не только в общих чертах, как обыватели знают, а знали бы основательно всю текущую работу, которая совершается в В. С. Н. Х. А те, которые работают в В. С. Н. Х., создавая хозяйственные планы, должны, хотя бы в лице известной своей части, чувствовать себя связанными с повседневной работой центрального органа проф. союзов В. Ц. С. П. С. Если там и здесь в коллегии 9—11 человек, пусть в их числе будет 3—4—5 общих членов.

Дело не в этих цифрах. Но мы подошли к такому моменту, когда без организационного сближения дальше не сделаем шага без конфликтов и борьбы, которая будет тем более болезненной и острой, ибо это борьба между хозяйственными органами и Профсоюзами. Мы не сделаем шага вперед, если не установим между ними организационной смычки. И в дополнение к резолюции 9-го съезда я предлагаю сделать шаг вперед в сторону сращивания, введя соответственным путем в состав В. С. Н. Х. и В. Ц. С. П. С. несколько общих членов, чтобы они не с двух сторон являлись в Ц. К. партии с жалобами, а чтобы т.т. Томский, Рудзутак, Рыков и Ногин во время самого обсуждения вопросов подавали друг другу деловые реплики не как тяжущиеся стороны, а как участники общей работы. В отношении к Ц. К. металлистов и Отделу Металла—таким же путем. Конечно, это нам не даст моментального разрешения задачи, но это даст по направлению, по которому пойдет развитие Профсоюзов в их отношении к советским хозяйственным органам. А иначе произойдет то, что чем дальше, тем больше будет углубляться и обостряться разъединение.

Дело идет, разумеется, не об огосударствлении союзов в 24 часа. Это вздор. Дело идет о том, чтобы фактически *держать курс на это огосударствление*, в частности, путем делового, производственного сближения руководящих органов, начиная с В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х. и дальше в главах и Ц. К. союзов, губернских и куустовых органах и отдельных предприятиях. Если т. Зиновьев не усмотрел разницы между тем, что было сказано на съезде, и тем, что сказано здесь, то могу лишь сказать, что он невнимательно следит за важнейшими практическими организационными вопросами. Мы теперь от соглашения все больше и больше должны переходить к организационному сочетанию, и только на этой почве мы можем выполнить ту работу производственного воспитания, о которой я говорил.

Т. Зиновьев говорил о забытой будто мною воспитательной работе Профсоюзов, тогда как, по его словам, она составляла 50% всей работы. Нет, не 50, а, пожалуй, 95%. Но на чем базировалась—спрошу я—революционная воспитательная работа Профсоюзов? Она базировалась на борьбе за пятка, на сокращении рабочего дня на 1/2 часа и т. д., на этой повседневной основе борьбы мы вели агитацию, пропаганду, совершали воспитание. Стало-быть, воспитание производилось не вообще, а на определенной основе экономической стачечной

борьбы. На какой же основе должна происходить наша воспитательная работа теперь? На основе прямого производственного строительства, на основе превращения рабочей демократии в демократию производственную. Это вовсе не фраза! Что такое наше государство? Это то, что должно отмереть. Новая война это процесс может задержать. Но советское государство должно отмереть. Нормальное развитие советской демократии идет в сторону демократии производственной, с сохранением элементов государственности, а затем и полное ее уничтожение. Превращение рабочего государства в коммуны имеет переходной ступень превращение политической рабочей демократии в демократию производственную, поскольку мы термин демократии вообще применяем к профсоюзу и партии. Под этим углом зрения мы вступаем в эпоху с новым содержанием, и естественно, если перед партийным съездом всплывают у нас — в предвидении и в попытках учета этих новых колоссальных задач — разногласия и в самом Ц. К.

Т. Зиновьев об этих разногласиях в Ц. К. говорил, он бегло читал вам некоторые резолюции.

Его изложение весьма нуждается в дополнении. В заключительном слове я это сделаю, если потребуется. Укажу сейчас только на то, что по поводу декабрьской резолюции, где большинство Ц. К. высказалось за так называемую производственную демократию, — я не слышал ни от тов. Зиновьева ни от других членов Ц. К. возражений ни против понятия ни против термина производственной демократии. Впервые тов. Зиновьев выдвинул свои бесформенные возражения здесь, а Ц. К-том не было сделано никаких возражений. Наоборот, говорили: «это само собою разумеется»...

Тов. Зиновьев еще обвиняет меня в том, что я бойкотировал Комиссию Центр. К-та и сорвал таким путем соглашение. Товарищи, я по вопросам очень существенным разошелся с тов. Зиновьевым и отчасти с тов. Лениным. Тов. Ленин сегодня, вероятно, выступит, и точнее определит свою позицию, и мы увидим, в какой мере она совпадает с позицией т. Зиновьева. Я в известных оценках с ним разошелся, но мне не казалось, что это было по вопросу о производственном содержании рабочей демократии. А то острое деловое разногласие, которое помешало мне принимать участие в работах Комиссии Центр. К-та, состояло в том, что большинство Ц. К. — не только против меня, но и против тов.

Ленина, так как мы вдвоем голосовали против этой резолюции, — решило этих вопросов не выносить на открытое обсуждение, а попытаться их разрешить в комиссии. Я же считал, что так как дело идет не о частном и неотложном вопросе (напр., как ответить на ноту Керзона о Польше, или наступать или не наступать дальше на таком-то фронте), а касается вопросов, имеющих длительную перспективу, как перевоспитание Професс. союзов и пр., и так как эти вопросы могут получить известное успешное выражение только путем массовой идейной работы, то я утверждал тогда, что решение Ц. К., урезывавшее свободу обсуждения по такому вопросу, было абсурдно, хотя в нем принимали участие т.т., с которыми я по существу вопроса голосовал совместно. Я заявил, что я готов работать в Комиссии при условии, если будет одновременно дана возможность апеллировать к широким кругам партии. Это никаким расколом, никаким срывом решения не грозило и не грозит. Мы — дисциплинированные члены партии. Но самый вопрос так содержателен и важен, и от него в такой большой степени зависит направление работы в течение годов и годов, что широкое обсуждение казалось мне абсолютно необходимым. В зависимости от того, какую позицию займут профес. союзы и партия по отношению к Профсоюзам, — от этого зависит судьба рабочей диктатуры в течение всего ближайшего периода. Если у нас с профессионалистами есть разногласия, то есть с большинством руководящих профессионалистов, которые точку зрения производственной демократии считаю, узкой, неправильной, которые не видят что точка зрения производственной демократии и есть школа коммунизма на новых основах, то эти разногласия не означают и не могут означать взаимной травли и жестокой борьбы. В самой острой полемике с тов. Томским я всегда говорил, что мне абсолютно ясно, что руководителями нашими в Профсоюзах могут быть только люди с опытом, с авторитетом, которые есть у тов. Томского. Это я говорил во фракции 5 конференция Профсоюзов, это говорил на днях и в театре Зимина. Идейная борьба в партии не значит взаимное отменяние, а значит взаимное воздействие.

Товарищи, вы на военных работников производили на партийных съездах известный нажим, давали им известный градус поворота, направления их, внимания и т. д., при чем, разумеется, тут были трения и борьба, но это не означало

борьбы между партией и отдельной ее группой, а означало направление партией определенной группы ее работников. Мы имеем теперь дело с работой гораздо более обширной, важной, исторически значительной. Это — Профсоюзы. Партия не раз, а десять раз еще поправит работу профессионалиста. Зиновьев говорит, что это надо делать не налетом. Разумеется. Но та задача, о которой я говорю, производственное перевоспитание, сращивание Профсоюзов в их руководящих звеньях, наверху и внизу, построения Профсоюзов по производственным задачам, воспитание каждого отдельного работника под углом зрения нового отношения к производству—ведь это задача на очень большой период. И в этой задаче я считал себя обязанным апеллировать к партийному общественному мне-

нию и считал абсолютно невозможным, принципиально и практически недопустимым и неосуществимым этот вопрос разрешать келейным путем, за спиной партии. Во всяком случае, я думаю, что я поступал правильнее, чем тов. Зиновьев, который стал профессиональным защитником рабочей демократии, когда я обратился к партийной демократии. Эта партийная демократия составит свое мнение к ближайшему съезду партии, установит правильную позицию в отношении Профсоюзов. И вместе с тем—а это, товарищи, одна из важнейших сторон вопроса—партийная демократия положит тот предел, дальше которого наша идейная борьба, наша полемика, наши прения не могут и не должны идти. Этим пределом является единство партии в ее повседневной работе. *(Аплодисменты.)*

Заключительное слово тов. Троцкого.

Товарищи, в числе многих других записок, которые я здесь получил, одна записка говорит следующее: «Товарищ Ленин в своем заключительном слове на 8 съезде совестов по докладу о нашем положении говорил, что нам нужно поменьше политики, побольше хозяйственности, а по вопросу о профсоюзах он на первый план выдвигал политическую сторону дела». Я прочитал эту записку, потому что она, по-моему, дает чрезвычайно меткую и точную характеристику позиции тов. Ленина в этом вопросе. Тов. Ленин подходит к вопросу о значении и роли профсоюзов под углом зрения политики сегодняшнего дня. Разумеется, эта точка зрения не может быть игнорируема.

Об этом нам говорил тов. Бухарин, разъясняя, что в этом вопросе есть две стороны — экономическая и политическая, что совершенно правильно, но нужно только их правильно соподчинить, в условиях данного момента. Если говорить совершенно отчетливо, то тов. Ленин учитывает тот факт, что в профсоюзах происходит в силу тех или других причин группировка оппозиционно настроенных товарищей.

Тов. Ленин выражает опасения, что товарищи из оппозиции, как он сказал, бессознательно, т. е. сами того не сознавая, могут явиться выражением того более глубокого недовольства, которое имеется в трудящихся массах в силу голода, нужды, лишения, вызванных раньше войной, затем гражданской войной и блокадой. И вот эта бессознательная роль значительной части работников профессионального движения, эта бессознательная роль оппозиционных элементов далеко может перейти те пределы, какие они имеют в виду. И поэтому тов. Ленин требует от себя и от других рассматривать отношение к профсоюзам под политическим углом зрения и притом чрезвычайно осторожно, — чтобы не оттолкнуть... он несколько раз на это напирал. Эта точка зрения — верна она или не верна — совершенно вне тех хозяйственных, производственных задач, о которых он сам нам говорил, в своем докладе на съезде.

Я предлагаю ставить вопрос о профсоюзах под углом зрения производства и на этой основе определять отношения с тов. профессионалистами. В этом различие подхода к вопросу.

А так как т. Ленин хочет во что бы то ни стало дискуссии по существу вопроса сыграть, сорвать, то он немощно попытался нас теоретически и политически терроризировать, запугать, выдвигал довод в том смысле, что моя точка зрения теоретически неправильна и что от подобного решения вопроса могут произойти неведомо какие ошибки. Но я должен сказать, что т. Ленин был тут целиком неправ. Он обвинял меня в том, что я дал совершенно неправильную теоретическую формулировку задач профсоюзов в рабочем государстве. В чем же это? Формулировка, которую я дал, — она единственная и я вам ее прочту.

«Организационный аппарат общественного производства должен опираться в первую голову на профессиональные союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства.»

Будучи уже согласно законам Советской республики и установившейся практикой участниками всех местных и центральных органов управления промышленности, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономиче-

1064888

ского аппарата Советской власти и даст возможность поставить, действительно, народный контроль над результатами производства. Вот то единственное теоретическое отделение основных задач и роли профсоюза в рабочем государстве, которую я в своих тезисах давал. Правильно ли это определение или нет? Это, т. т., определение нашей партийной программы, это тезис есть не что иное, как выдержка из нашей партийной программы, я привел ее, как цитату, в кавычках.

Здесь нет ни одного слова прибавленного от меня, и, следовательно, т. Ленин, говоря, что я даю неправильную формулировку, полемизирует не со мной, а с партийной программой, которую он составлял, как главный автор. Но как я уже сказал, т. Ленин преследует здесь ближайшую политическую цель—дать всей этой дискуссии совершенно иное направление, и вот почему, не очень присматриваясь к закату, он нас здесь хочет немножечко теоретически терроризировать. У меня здесь сказано на странице II: «Задача, следовательно, состоит не в том, чтобы пересмотреть программные предпосылки в вопросе о профсоюзах, а в том, чтобы сделать *новый фактический шаг* на пути осуществления принципа, признанного партией и закрепленного в ее программе». Стало-быть, если здесь говорить, что в моих положениях нет открытия Америки, то об этом никто и не спорит, это бесспорно, это у меня сказано черным по белому. Моя теоретическая ошибка состоит, следовательно, в том, что я исхожу из партийной программы и требую, чтоб ее не забывали. Наши профсоюзы не приблизились, а отошли от возрастающего сосредоточения хозяйственной работы и хозяйственного управления в своих руках. Никто не требует тут одновременного акта, который все решает. Не в этом дело! Но мы требуем, чтобы приблизиться хоть на шаг вперед по пути, указанному программой. У меня говорится,—и в этом центр тяжести вопроса,—что за истекший год и четверть между профсоюзами и органами хозяйства не уменьшились, а возросли. Но т. Ленин об этом не хочет разговаривать. Его подход—чисто политический. Т. Ленин рисовал нам профсоюзы, как «большой резервуар» рабочего государства, как базу рабочей диктатуры. Но только т. Ленин, говоря о великом резервуаре, говорил не о профсоюзах, он говорил в сущности о рабочем классе. Но мой доклад был посвящен как раз тому, что под профсоюзами мы сплошь да рядом понимаем и остю рабочий класс, объективно сгруппированный по разным производствам. Мы

превращаем профсоюзы в псевдоним пролетариата. Но этим упраздняется самый вопрос о роли союзов.

Я указывал, что индивидуального вхождения в союзы у нас нет, что всякий рабочий обязан быть в союзе, что членский взнос взимается с него, как обязательный налог. Вот как происходит дело. Это—объективная группировка, а не субъективная. Что отношение между классом и партией очень сложное, и что нужны всевозможные промежуточные рычаги, о которых говорил тов. Ленин,—это все бесспорно, но тут-то и надо было конкретно показать, какую роль играют и должны играть те рычаги, которые называются аппаратом профсоюзов. Между тем об этом т. Ленин не сказал ни слова. Сущность моего доклада сводилась к тому, что профсоюзы не нашли своего места в рабочем государстве, которые они помогали создать,—что они в большей степени топчутся на месте, и что путь, указанный в программе—овладение хозяйством путем сращивания союзов с хозяйственными органами,—что этот путь стал не короче, а длиннее за истекший год. Верно это или не верно? По этому поводу тов. Ленин, исходя из политических соображений, не сказал ни слова.

Он хотел нас терроризировать и говорил, что само понятие «производственная демократия» теоретически неправильно. Я думаю, товарищи из Ц. К. помнят, что в Ц. К. я выражал свои опасения против применения государственного термина «демократия» в отношении нашего внутреннего режима, но если «производственная демократия» не годна, то тогда и «рабочая демократия», как термин, нигде не годится. Демократия есть народоправство. В новой истории этот термин применялся как термин, означающий господство капиталистического меньшинства на основании всеобщего избирательного права. А у нас не народоправство, а диктатура рабочего класса, осуществляемая под руководством партии коммунистов. Что же означает «рабочая демократия»? Слово «демократия» мы тут употребляем лишь потому, что нет другого подходящего слова,—оно условно означает для нас растущую активность масс, обсуждение, критику, выборы внутри этих масс, но само собой разумеется, что наша «демократия» не имеет ничего общего с тем понятием демократии, какое вы найдете у какого-нибудь профессора Новгородева.

И поэтому, если плох термин «производственная демократия», то эта демократия нигде не годится и как «рабочая». А если мы принимаем «рабочую демократию», то мы можем сказать, что—в зависимости от

условий—эта рабочая демократия может наполниться разным содержанием. После октября она была преимущественно политической. Чем больше она переходит на хозяйственную почву, тем больше она приобретает производственный характер. И в первом и во втором случае основному содержанию деятельности рабочей демократии соответствует определенный отбор павыков, приемов, мыслей, руководящих работников.

В эпоху политической революционной борьбы выдвигаются элементы из рабочего класса, путем ли выборов или, так сказать, естественно всплывают, отображаются в условиях борьбы, и в сознании каждого рабочего больше всего закрепляются чисто боевые моменты. В военных условиях также происходит известная группировка—путем отбора и перевоспитания. Теперь мы вступаем в эпоху хозяйственную, производственную, когда отбор и перевоспитание должны происходить под *производственным* углом зрения. И это придает понятию «рабочая демократия» новое и очень глубокое содержание, а именно, большой исторической школы рабочего класса, в которой он, установив новое отношение к производству рабочего-производителя и хозяина, владеющего всем аппаратом этого производства, воспитывает себя, свои организации, свои наиболее отсталые элементы, отбирает и выдвигает наверх элементы, наиболее приспособленные к руководству этим производством, ведет под этим углом зрения им учет, т.-е. фактически строит производственную демократию.

Далее тов. Ленин указывал, что в пункте 41-м моих тезисов практически неправильно поставлен вопрос об ударности. И здесь я могу прийти только в полнейшее недоумение и сослаться на всех членов Центр. К-та,—только величайшая забывчивость позволила тов. Ленину поменяться со мной местами и направлять против меня мое же оружие. Здесь у меня сказано: «В области *потребления*, т.-е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области *производства* принцип ударности еще надолго останется для нас решающим: только пройдя через стадию ударности, мы достигнем необходимой пропорциональности в основных отраслях хозяйства».

Тов. Ларин сделал мне как-то возражение, что нам нужна не ударность, а пропорциональность разных отраслей хозяйства. Это безусловно верно, но к этому надо прийти, этой пропорциональности в разных отраслях хозяйства нужно еще достигнуть. А для этого надо вперед выдвинуть некоторые

важные отрасли хозяйства. Это возможно через ударность. Стало-быть, к пропорциональности через ударность. Но вернемся к возражению т. Ленина. На последней партийной конференции была вынесена резолюция: «от ударности к уравнительности», и тов. Ленин ее самым энергичным образом и крайне распространительно защищал.

В ноябрьской революции Ц. К. было сказано: «перейти от ударности к уравнительности в области проф. движения»,—выходило так, что и в области хозяйства. Я поднял шум и стал доказывать, что в области хозяйства мы не можем перейти к уравнительности и остаемся еще на ударности так же, как в области профессиональной. Тов. Ленин сказал: «Другим, но если мы признаем данные фабрики или данные заводы нужными, то здесь рабочих мы должны кормить одинаково. А если не можем, то закрывать заводы». Т.-е. в области условий личного существования рабочих надо стремиться к уравнительности, а в области хозяйства, в области снабжения предприятий сырьем,—сохранять ударности. На это я согласился и сказал в тезисах, что курс на уравнительность мы можем сейчас держать только в области потребления, области личных условий существования. Это касается основного пайка и, газумеется, не исключает премий, ибо курс на уравнительность не означает еще абсолютного поравнения. Теперь тов. Ленин из этого делает какое-то обвинение против меня,—из того, что было мыслью самого тов. Ленина и что вызвало с моей стороны,—если хотите,—известные уступки в пользу той «уравнительной» линии, которую тов. Ленин отстаивал. Но, увлекшись своей политической тенденцией—подорвать во что бы то ни стало нашу критику состояния профсоюз, тов. Ленин попытался нас и здесь немилоскопно терроризировать, не считаясь с тем, что было вчера. Но если теперь т. Ленин отрицает курс на уравнительность не только в производстве, но и в потреблении,—как же он думает выполнять резолюцию в партийной конференции?

Тов. Ленин говорит: «Зачем нам пересматривать вопросы о профсоюзах, 9-й Съезд их разрешил. Но 9-й Съезд говорил, между прочим, о том, что должны быть *радикально изменены методы и темп работы профсоюзов*. Это говорится в резолюции о профсоюзах. Если Ленин ссылается на 9-й Съезд, я тоже охотно сошлюсь. Произошла ли эта радикальная перемена, это изменение методов и темпа работы профсоюзов соответственно с хозяйственными задачами? Нет, не произошло. Целиблились ли профсоюзы к хозяйственным зада-

чам? Нет, отдалились. Уменьшились ли трения между профсоюзами и хозяйственными органами? Нет, увеличились. Конфликты в их отношениях происходят очень часто. И этот кризис является в нашем советском механизме самым опасным, ибо это кризис в важнейших областях работы. Но средство, которое я предложил, оно является,—видите ли,—бюрократическим и недостаточным, оно даже тянет нас назад. Т. Ленин считает неправильным предложение сделать фактический шаг в тому, чтобы в направляющих и руководящих хозяйственных органах и профессиональных производственных сферах была общая группа работников, несущих ответственность и там и здесь. В чем же здесь бюрократизм? Если наша программа права, если наша общая исцеляющая вера, что эти две организации,—хозяйственная и профессиональная,—идут ко все большему сближению, то, стало-быть, нам нужно поставить в порядке дня воспитание таких хозяйственников, которые в то же время были бы профессионалистами, и таких профессионалистов, которые в то же время были бы хозяйственниками. Как это сделать иначе, если не сочетать одновременно работу наиболее подготовленных к этому товарищей и в производственном союзе, и в соответственном главке, в хозяйственном органе. Что же тут бюрократическое? Почему же общих работников в В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х.—спрашивает Ленин,—должно быть от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$, а не $2\frac{1}{2}$? Потому что $2\frac{1}{2}$ из 10 человек—это будет маленькая дробь человека, а какими бы крупными ни являлись работники профсоюза, но дробь человека мало применима для хозяйственной работы. Почему от трети до половины? Если бы я предложил больше половины, то это было бы преждевременным и рискованным, ибо тогда можно было бы сказать, что в В. Ц. С. П. С. сложилось засилье работников, более приспособленных к хозяйственно-организаторской работе, чем к профессиональней; или, наоборот, в В. С. Н. Х. могло бы оказаться засилье работников профессионалистов, мало подходящих к руководству хозяйством. Я предлагаю, в полном согласии с рядом работников профессионалистов и хозяйственников, начать с более скромного опыта от одной трети до половины. Исходя из этой трети, мы будем постепенно на основании опыта расширять количество общих членов. Позвольте мне тут сказать, и для этого не требуется никакого пророческого дара, ибо это подсказывается элементарной логикой, что поругают, поругают эти предложения бюрократизмом, а примут его после ближайшего съезда партии, как естественный

шаг вперед. Я прошу каждого из вас записать у себя в книжке, что Ленин назвал это бюрократизмом такого-то числа, а я осмеливаюсь предсказывать, что это будет через несколько месяцев принято и введению и в руководству, чтобы В. Ц. С. П. С. и В. С. Н. Х., в Ц. К. металлистов и в Отделе Металла т. д. имелось бы общих работников от трети до половины, которые должны будут создать настоящую живую организационную смычку между профессиональной организацией и хозяйственным аппаратом.

Перечисляя эти явные ошибки т. Ленина, я этим не хочу вовсе сказать, что исчерпываю содержание его речи. У него были превосходные мысли и формулировки, которые шли, однако, целиком мимо того вопроса, который был поставлен. Т. Ленин не дал нам ни единой мысли по вопросу о производственной роли союзов, не пытался дать, ибо не хотел дать, а хотел отвести наше внимание от этого вопроса, который у нас поставлен, и отвести по причинам чисто политическим, о которых я говорил. Другие обвинения и возражения т. Ленина, поскольку они направлены против данной в моих тезисах постановки вопроса, не более правы. Ленин подходил к делу, правда, совершенно иначе, чем т. Зиновьев, который подошел с точки зрения агитатора, отравленного, главным образом, для того, чтобы, так сказать, утихомирить Лутвинова. Ленину же подошел с совсем иной точки зрения. Вы возьмите, по секрету скажу, заключительное слово тов. Ленина на Съезде Советов, оно напечатано в газетах, в первых фразах он говорит: «Я получил записку о том, зачем вздумали выпускать Дана и других. Это, мол, напрасно. Нет,—говорит т. Ленин,—вовсе не напрасно. Дановские речи, может-быть (и не помню точно выражений его речи, но смысл таков), заставляют задуматься кое-кого, кто злоупотребляет ныне некоторыми терминами». Он не сказал какими, но ясно и без того, что Дан, глаголющий во имя демократии, был выпущен для того, чтобы кое-кого испугать от злоупотребления этими терминами.

Когда Зиновьев представил свои тезисы о бюрократизме в первый раз, было вынесено решение Ц. К. единогласно, кажется, по предложению т. Ленина: «срывать, отбросить все широковеташельное, не давать неисполнимых обещаний, говорить только дело»—словом, в этом роде...

После чего тезисы Зиновьева о демократии и бюрократизме, весьма подчищенные, были вынесены на последний Съезд советов. Ленин говорил: «Главполитупут применял принуждение». Это, говорит, великолепно!

Но позвольте, мы тут слышали кое-что другое. Однако и этого не мало. Ленин спрашивает: «Почему Главполитбюро не помогал В. Ц. С. П. С. в области принуждения? Вотте на! Оказывается, с одной стороны, нас пугают за то, что мы выдумали Главполитбюро при транспорте, а с другой—Ленин говорит, почему не поднесли Главполитбюро именно к В. Ц. С. П. С. Выходит, что это было бы полезно! Вот точка. Тов. Ленин на всех декретах о «демократии» вспомнил, главным образом, о дисциплинарных судах. Товарищеские дисциплинарные суды могут быть, конечно, очень демократически построены. Но я не думаю, товарищи, чтобы это был именно тот лозунг, который больше всего станет сейчас вдохновлять Лутовнинова, как величайший дар советской демократии. Между тем Ленин говорит: «У нас об этом написаны новые декреты, но мы о них все позабыли». У нас много декретов и о производстве, и о взаимоотношениях союзов и хозяйственных органов, и о дисциплинарных судах и т. д., о которых мы забыли.

Но я спрашиваю, куда эти декреты девались, почему они позабыты? Очень просто. Эти декреты были рассчитаны, очевидно, на какой-то живой аппарат, который должен их проводить в жизнь,—аппарат, который одновременно организует и хозяйство и рабочих,—а такого аппарата у нас нет. Между аппаратом, который организует производство, и аппаратом, который организует рабочих, у нас—цель, и декреты Ленина в эту цель завалились и где-то потерялись (аплод.).

Всё тов. Ленин хотел на меня, вслед за Зиновьевым, возложить некоторого рода ответственность за то, что эти вопросы вообще дискутируются, что они обсуждаются, хотя до моего выступления на последней конференции профессионалистов эти вопросы очень живо обсуждались и в частности нашли свое выражение в той самой резолюции, которую тов. Ленин так неосторожно приписал Рудзутаку, тогда как в ней половина—лучшая половина—пола дектрановского яду, который был введен туда Андреевым, Гольцманом и др. И мне показывали в свое время отдельные части ее, из которых я кое-что одобрил, кое в чем не согласился. А так как тов. Ленин взглянул на них под углом зрения дипломатическим, когда ему нужен был громоотвод, он говорит: вот там тезисы—лучше не надо,—и против Центрана и против Троцкого И случайно ухватился рукой не за громоотвод, а за Центран (аплод.).

Это не единственное недоразумение. Т. Ленин говорит вам, что из Комиссии о

профсоюзах я ушел из-за того, что туда вступил Лутовнинов; это неверно. Из комиссии ушел до того, как самая мысль о Лутовнинове, как о секретаре комиссии, возникла. Тов. Ленин владеет просто в явную хронологическую ошибку, а в комиссию вообще не входил, а Лутовнинов был избран секретарем на первом или втором заседании комиссии. Почему я в комиссию не входил, об этом я в Ц. К. ясно сказал: до тех пор пока не будет разрешено мне, наравне со всеми другими товарищами, эти вопросы в полном объеме поставить в партийной печати, до тех пор я не жду никакой пользы от kolejного рассмотрения этих вопросов, а, стало-быть, и от работы в комиссии.

Итак, смотрите! По вопросу о сращивании тов. Ленин говорит: делать, но не говорить. По вопросу о Политбюро он говорит: великолепно, что Политбюро применял принуждение, но почему не научил этому В. Ц. С. П. С.? По вопросу о дисциплинарных судах он говорит: прекрасно, почему только так мало применяются? По вопросу об уравнительности: «Вы хотите уравнительности в области потребления? Нет, это утопия, несмотря на то, что на последней конференции это нам предписано». Наконец, по вопросу о демократии вообще, он сослался в одном докладе на Дана, в другом напомнил, что демократия есть временное средство. Тут определенная система отношений к вопросу рабочей демократии, но все это совершенно не определяет и не характеризует роли профсоюзов в производстве. Мы уже знаем, что т. Ленин попросту сводит вопрос о перестройке профсоюзов по производственной линии—по чисто политическим соображениям.

Что касается самого политического момента, это, конечно, не последнее дело. Политический момент, конечно, имеет большое значение, но я смотрю так, что лозунг рабочей демократии, поскольку он является выражением расширившейся активности партии и поскольку наше настоящее собрание есть одно из проявлений рабочей демократии, где важнейшие вопросы обсуждаются и решаются в широких массовых партийных собраниях, я прежде всего считаю, что этими приемами и методами рабочей демократии мы можем только вскрыть, выявить наши нужды и беды, но вовсе не устранить их, ибо корни их не в политическом режиме, а в хозяйстве.

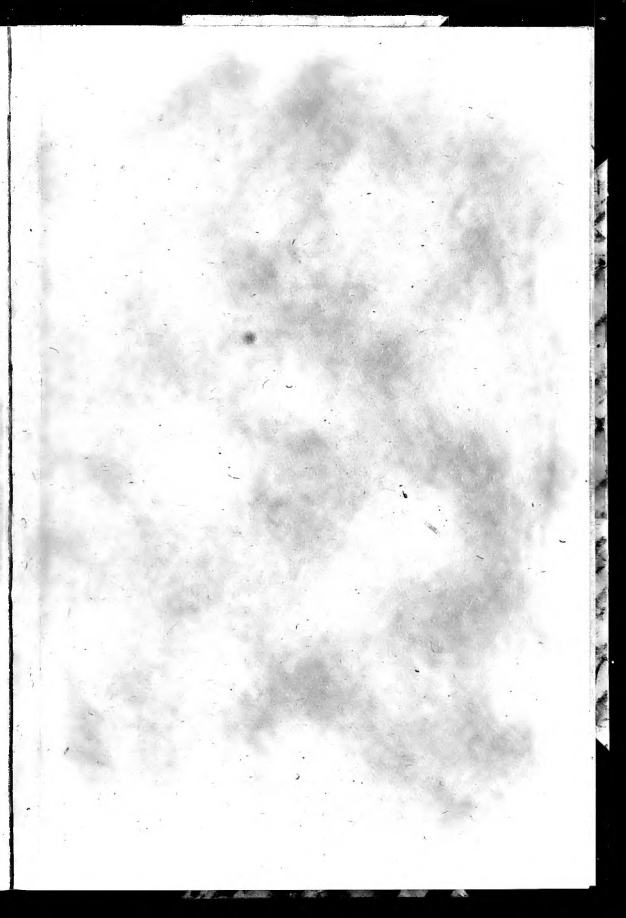
Везусловно нельзя думать, что, расширив режим рабочей демократии, мы тем самым создаем всеобщее полное успокоение,—пусть! Расширение демократии в партии, в союзах отразится и вообще в стране, и

все виды недовольства захотят найти свое выражение. Есть, напр., недовольство в партии тем, что Ц. К. переставлял, перебрасывал работников; нужно, — говорит т. Шляпников, — орабочить Ц. К. Прекрасно, это простая реформа, которой можно достигнуть на Съезде в полчаса. Но вопрос в том, что фактически наша партия — единственная политическая партия в стране, и это придает ей особенное значение. Через нее стремится прорваться всякое недовольство, которое имеется в стране. Наша партия одним крылом опирается на крестьян, другим крылом — на крестьянскую армию, и все недовольство, которое имеется в широких народных массах, — все это, не имея других партий, стремится прорваться через аппарат нашей партии. Этим и объясняется то законное беспокойство, которое тов. Ленин питает, видя неблагополучие в области профсоюзов. Но, т. т., цена в полном объеме этот подход, а все же должен сказать, что

основа недовольства в нужде, в отсутствии хлеба, одежды и пр. И как бы ни лавировать внутри партийных группировок и вокруг профсоюзов, — основное, коренное недовольство, происходящее от голода и нужды, найдет себе выражение так или иначе и будет требовать сапог, гвоздей и пр.

Вот почему преодоление этого недовольства возможно только путем повышения производства в стране. Эту задачу мы должны поставить в первую очередь, и поэтому фронту должны выровняться. Более того, именно хозяйственные вопросы, поставленные в полном объеме перед союзами, могут и должны сделать то, что у т. т. Томского и Лутовинова и товарищей, привыкших работать военными методами, найдется общий язык. И в этом сближении на почве хозяйства, в создании производственной демократии, есть единственный путь не только преодоления недовольства, но и действительного спасения страны.

Наблюдатель
Института Ленина
(изм. Ц. К. Р. А. П. 16.)

1p.50k

